

Вторая половина дня традиционно была отведена под тренировки, однако сегодня Чоу Муи чувствовал: что-то изменится.

Цуй Инлун замер в самом центре тренировочной площадки. Поймав недоуменный взгляд ученика, он заговорил — на этот раз необычайно серьезно:

— Твоя база уже достаточно крепка, пора переходить к изучению боевых приемов. Но прежде ты должен выбрать оружие. Силы человека не безграничны, поэтому мой совет таков: выбери одно основное и одно вспомогательное. Что именно — решай сам.

Услышав слова наставника, Чоу Муи медленно обвел взглядом стойку с оружием. То ли взвырвал голос крови, то ли сама судьба вела его, но, увидев копьё, он уже не мог отвести глаз. Семья Ян... Разве не копьё было их душой и славой?

Как бы он ни пытался подавить это чувство, внутри настойчиво шептал голос: «Выбери его. Выбери это копьё». Муи шагнул вперед и крепко сжал древко. В душе шевельнулась горькая усмешка. «Какая разница, что за оружие? К чему эти терзания? Кем бы я ни хотел казаться, прежде я был Ян Сыланом, и отрицать это глупо. Нужно быть честным с самим собой. Настоящий муж должен встречать судьбу с открытым забралом, а не прятаться, подобно слабодушному».

Затем он взял еще и саблю и вернулся к Цуй Инлуну.

Увидев выбор мальчика, учитель улыбнулся:

— Оно тебе подходит. У меня было предчувствие, что ты выберешь именно копьё. Выбери ты что-то другое, я бы, пожалуй, удивился.

Но в следующий миг Цуй Инлун нахмурился:

— Вот только в искусстве копья я не силен... Эх, если бы ты уже владел какими-то основами, я бы мог направлять тебя. Впрочем, зачем я требую невозможного от ребенка? Постой, я ведь только сейчас вспомнил: госпожа Ян из поместья Тяньбо — моя младшая соученица. Я могу отправить тебя к ней. Техника копья семьи Ян — одна из лучших в Поднебесной. Семья Ян не из тех, кто коснеет в предрассудках, уверен, они не откажут в обучении. А когда освоишь технику, вернешься ко мне, и я помогу тебе отточить мастерство.

Цуй Инлун осекся на полуслове, взглянув на Чоу Муи.

Мальчик помрачнел от жгучей ненависти. Он так сильно сжал зубы, что на скулах заиграли желваки, а пальцы, вцепившиеся в древко, побелели. Перепуганный такой резкой переменной, учитель присел перед ним:

— И-эр, что с тобой? Что случилось? Скажи мне, разве я сказал что-то не так?

Муи едва выдавил несколько слов:

— Учитель... Неужели и вы решили бросить меня? Кому же тогда мне верить?

Цуй Инлун вздрогнул:

— С чего ты взял, что я тебя бросаю? У меня и в мыслях такого не было!

— Но вы хотите отправить меня в семью Ян! — почти выкрикнул Муи.

— Это лишь для того, чтобы ты обучился искусству копья, — недоумевал наставник. — Я хочу для тебя лучшего, а Техника копья семьи Ян — непревзойденная. Я лишь забочусь о твоём будущем.

Чоу Муи стал холоден как лед.

— Заботитесь? Учитель, вы ничего не знаете, так откуда вам знать, что для меня лучше? Если ради этого «блага» мне нужно явиться в поместье Тяньбо, то мне не нужно такое благо!

На Цуй Инлуна начало снисходить понимание:

— Ты... ненавидишь семью Ян? Но почему?

Муи вдруг рассмеялся. Он так долго скрывал свои чувства, так редко позволял себе проявлять эмоции, что почти забыл, как это делается. В его смехе учителю почудились непролитые слезы.

— Учитель, — тихо произнес мальчик. — Я собирался рассказать вам позже, мне слишком больно вспоминать о том доме. Но раз вы хотите знать, я отвечу. Я расскажу вам, почему больше всего на свете ненавижу предательство и тех, кто бросает своих.

Отступив на несколько шагов, Чоу Муи внезапно закружился в танце с копьем. Движения его были еще по-детски неуверенными, ему не хватало сил, но Цуй Инлун в изумлении застыл: это, без сомнения, была Техника копья семьи Ян. Теперь всё встало на свои места. Как мог ребенок оказаться один в самом центре кровавого сражения? Только если он — сын военачальника. А среди заместителей генералов Армии семьи Ян не было никого, кто взял бы ребенка на войну. Значит... он сын его младшей соученицы. Один из сыновей Яна.

Закончив серию движений, Муи тяжело дышал, но упрямо стоял на ногах, глядя на

наставника:

— Учитель, если вы действительно желаете мне добра, если считаете меня своим учеником — никогда не посылайте меня к ним. Я и так знаю Технику копия семьи Ян: я видел, как они тренируются, и запомнил каждое движение. Я не готов к встрече с ними. Боюсь, я не сдержусь.

Мальчик сглотнул ком в горле, в его голосе зазвучала сталь вперемешку с отчаянием:

— Я не понимаю... Зачем они взяли меня, ребенка, на поле боя? Почему та женщина отпустила мою руку, когда вокруг бушевала смерть? Почему я ждал их так долго, а они так и не пришли за мной? Это они первыми отказались от меня. Я не святой из книжек и не собираюсь платить добром за зло. Чем сильнее я любил их когда-то, тем яростнее ненавижу теперь. За что они так со мной? Что я сделал не так?

Слезы всё же покатались по его щекам.

Цуй Инлун, уже второй раз видевший слезы своего обычно сдержанного ученика, почувствовал укол вины. С одной стороны — соученица, с другой — этот израненный душой ребенок. Возможно, у Шэнь Сайхуа были причины, возможно, случилось что-то непредвиденное, но оставить дитя в горниле битвы... Если бы не он, мальчик бы давно погиб.

— Я понимаю твою боль, И-эр, — мягко сказал Цуй Инлун. — Обещаю: я не отправлю тебя к ним и не выдам твою тайну. Твое будущее принадлежит только тебе. Я лишь прошу об одном: не позволяй ненависти ослепить тебя. Как бы они ни поступили, они дали тебе жизнь. Я надеюсь, что когда-нибудь ты сможешь встретиться с ними и поговорить спокойно. Пока эта обида живет в тебе, она будет камнем тянуть тебя на дно. Я просто не хочу, чтобы ты всю жизнь нес эту непосильную ношу. Мне больно видеть твои страдания.

Муи промолчал, глядя на то, как ветер поднимает дорожную пыль. Тишина затянулась. Когда Цуй Инлун уже решил, что разговор окончен, мальчик хрипло отозвался:

— Спасибо, учитель. Я постараюсь не разочаровать вас. У меня остались только вы... Пожалуйста, не оставляйте меня.

Утерев слезы, он снова взял копье. Теперь он не пытался повторять сложные связки, а начал отрабатывать базовые движения: выпады, уколы, блоки. Снова и снова. Он не чувствовал усталости, его мысли были далеко.

Наставник наблюдал за тем, как маленькая фигурка с трудом управляет с копьем, которое было вдвое длиннее его самого. Сердце Цуй Инлуна сжалось от жалости, смешанной с гордостью. Он не стал мешать, лишь присматривал, чтобы мальчик не поранился. «Растить ученика — тяжелый труд, — подумал он. — Но эти два года я не чувствовал себя одиноким только благодаря ему».

Через некоторое время Цуй Инлун остановил его. Заметив вопрос в глазах ученика, он улыбнулся, отвел его в дом и вытер ему лицо.

— Тебе всего семь лет, твое тело еще растет, — сказал он, усадив Муи на кровать. — Нельзя изнурять себя сверх меры. Тебе нужно привыкнуть к весу и длине оружия. Ты запомнил движения, но никогда не применял их по-настоящему. Сегодня я видел лишь тень былой памяти, а не мастерство. Не пренебрегай основами. Весь следующий месяц ты будешь отрабатывать только базу, пока тело не сроднится с копьем. Только тогда эта техника станет по-настоящему твоей. Верю, ты станешь великим мужем. В жизни редко всё идет гладко, но если бояться трудностей и не пробовать, то ничего и не добьешься. Пойми мою заботу.

Муи закрыл глаза, скрывая свои мысли. Посидев немного, он сбросил обувь и зарылся лицом в подушку.

— Я понял, — донесся его приглушенный голос.

Цуй Инлун знал, что мальчику нужно время прийти в себя.

— На сегодня хватит. Гнев и печаль истощают дух. Иди отдыхай, — сказал он уже у двери. — И помни: что бы ни случилось, у тебя есть я.

Когда шаги наставника стихли, Чоу Муи выбрался из-под одеяла и горько усмехнулся.

«Надо же, во мне живет душа двадцатилетнего мужчины, а веду себя как обиженный ребенок. Я просто хотел тепла, хотел, чтобы кто-то заботился обо мне... Неужели я рожден под несчастливой звездой? В прошлой жизни я не знал своих родных, в этой — знаю, где они, знаю, что у них могут быть оправдания, но... я не могу их простить. Почему страдать должен именно я? В семье Ян семеро сыновей и дочь. Почему они купаются в любви, а я должен был гнить на поле боя? Если бы не учитель, мои кости давно бы побелели в степи. Как мне не ненавидеть их? Как не обижаться? Пусть кто-нибудь скажет, как мне теперь жить?»

Он просидел так долго, пока наконец не вздохнул. Прошлое не изменишь. Теперь учитель знает правду, и можно тренироваться в открытую. Встретится ли он когда-нибудь с семьей Ян? Кто знает. Он не станет их искать, но и прятаться вечно не будет. Пусть всё решит судьба.

<http://bllate.org/book/17388/1693017>